

А.А. Рублева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Anastasia.folk98@yandex.ru

Потомки старожилов-чалдонов Притомья: культура и идентичность во второй половине XX – начале XXI века

Статья посвящена анализу идентичности потомков русских старожилов Притомья – чалдонов, которая формировалась в условиях трансляции традиций старшим поколением чалдонов, рожденных в конце XIX – начале XX в., а также в условиях культурных контактов с представителями других восточнославянских групп изучаемого региона. Источником исследования выступили интервью с потомками чалдонов Юргинского р-на Кемеровской обл., 1920–1950-х г.р. Источниковая база исследования была сформирована в ходе этнографической экспедиции 2022–2023 гг. Во второй половине XX в. потомки русских старожилов Сибири продолжали частично сохранять историческую память о происхождении чалдонов как «коренных» сибиряков, чьи предки были выходцами с Дона (Чала и Дона). Сохранение исторической памяти о чалдонах нашло отражение в названиях этнокультурных групп региона, где потомки русских старожилов Сибири продолжали называться чалдонами, отделяя себя от потомков недавних переселенцев начала XX в. на территорию Западной Сибири. Сельские жители Притомья во второй половине XX в. наделяли русских старожилов региона определенными культурными чертами, такими как чистота русской речи, зажиточность, особенности традиционной кухни (мастерство в изготовлении сдобы, любовь к чаю вприкуску с капустой) и др. Сохраняя память о бытовании на территории Притомья культуры чалдонов, современные потомки русских старожилов Сибири постепенно теряют «чалдонскую» идентичность, отдавая предпочтение иным формам идентичности, таким как «сибиряк», «житель Кузбасса», «русский» и др. Современные сельские жители, чьи предки ранее считали себя чалдонами, воспринимают «чалдонскую» идентичность как явление уходящей культуры своих предшественников.

Ключевые слова: чалдоны, русские старожилы Сибири, Притомье, этнокультурная идентичность, вторая половина XX в.

A.A. Rubleva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: Anastasia.folk98@yandex.ru

Descendants of the Old-timers-Chaldons in the Tom River Area: Culture and Identity in the Second Half of the XX – Early XXI Centuries

This article analyzes the identity of the descendants of the Russian old-timers known as Chaldons in the Tom Area. The Chaldon identity was developed through the transmission of cultural traditions from older generations born in the late 19th to early 20th centuries and cultural interactions between the descendants of the Chaldons and bearers of other cultures of the region. The research is based on interviews with Chaldon descendants born in the 1920s to 1950s in the Yurginsky District of the Kemerovo region. The source base of the study was accumulated during the ethnographic expedition of 2022–2023. In the second half of the 20th century, the descendants of the Russian old-timers of Siberia continued to partially retain the historical memory of the origin of the Chaldons, as “indigenous” Siberians, whose ancestors came from the areas near the Chal and Don Rivers. The historical memory of Chaldons survived in the names of ethnocultural groups in the region; the descendants of Russian old-timers of Siberia retained the self-name Chaldons distinguishing them from the descendants of recent migrants to the territory of Western Siberia in the early twentieth century. Members of this group were associated with certain cultural traits, such as the purity of their Russian speech, prosperity, and features of traditional cuisine (skills of baking muffins, tradition to take tea with sauerkraut), and others. While preserving, The modern descendants of Russian old-timers keep the memory of Chaldon culture in the Tom region, but gradually lose their “Chaldon” identity and prefer other forms of self-identification, such as “Siberian”, “resident of Kuzbass”, “Russian”, and others. Modern villagers, whose ancestors previously considered themselves Chaldons, perceive the “Chaldon” identity as a phenomenon of the outgoing culture of their predecessors.

Keywords: Chaldons, Russian old-timers of Siberia, Tom River Area, ethnocultural identity, the second half of the XX century.

Вот уже несколько десятилетий проблема этнокультурной (этнической) идентичности не уходит из научной повестки и на данный момент остается одной из активно обсуждаемых. Вопросы о сущности этнической идентичности, ее истоках, составляющих, механизмах формирования и изменения, а также об ее соотношении с другими формами идентичности остаются неизменно актуальными. Поэтому интересным полем для исследования проблемы этнокультурной идентичности является территория Притомья, так как на протяжении нескольких столетий этот регион населяли различные этнокультурные и этнические группы – сибирские татары, русские первопоселенцы Сибири, старообрядцы-кержаки, российские переселенцы, украинские и белорусские переселенцы XIX – начала XX в., послевоенные переселенцы с территорий Поволжья и др., которые вступали в межкультурные контакты. Одной из групп, чьи потомки проживают на территории Притомья, являются русские старожилы Сибири – чалдоны. В рамках данного исследования проанализирована этнокультурная идентичность потомков русского старожильческого населения Притомья, которая сформировалась в среде сельской культуры, сохранявшей во второй половине XX в. этнокультурные особенности. Хронологические рамки исследования определяются второй половиной XX в., т.к. в это время, как показало полевое исследование, сохраняло свою актуальность деление сельского населения Притомья на этнокультурные группы и на это время пришлось взросление информантов, с кем были проведены интервью. Источниковой базой исследования выступили материалы этнографической экспедиции 2022–2023 гг. по Юргинскому р-ну Кемеровской обл. В контексте данного исследования, в рамках методологического подхода было взято этнокультурное понимание идентичности, сущность которой определяется осознанием социальной группой своей общности. Осознание группой собственного единства строится на основе проживания групповых или/и индивидуальных культурных практик (язык, праздники, одежда, традиционная кухня и др.). Также важной особенностью этнокультурной идентичности является ее историчность и континуальность, где у индивида, причисляющего себя к определенной этнокультурной группе, соотношение с группой строится на обращенности к ее историческому прошлому [Малыгина, 2005]. На стадии полевых сборов использовались методы интервьюирования (глубинного интервью) и аудио-, видеофиксация материалов. Также автором исследования применялся дескриптивный и сравнительно-исторический метод исследования.

В отечественной историографии заселение территорий Среднего Притомья связывают с основанием Сосновского острога в XVII в., вокруг которого затем начали формироваться земледельческие станы. Деревни и села, такие как Зеледеево, Мальцево, Елгино, Томилово, Филоново, Лебяжье-Асаново, Пятково,

Басалаево (ныне несуществующая), Талая, Чахлово, Верх-Тайменка, Белянино и др., в которых были зафиксированы в ходе полевого исследования упоминания о чалдонах, образовались, согласно данным Н.Ф. Емельянова, во второй половине XVII – начале XVIII в. В 1770–1780-е гг. шло освоение и заселение территорий левобережья Томи русскими переселенцами, а также территорий на р. Черной, Лебяжьей и Искитим [Емельянов, 1980, с. 84]. Более половины первопоселенцев Притомья были выходцами из Поморья, пятую часть населения составили выходцы со среднерусской и южнорусской территорий, и примерно такую же часть составили переселенцы из западных районов страны (украинцы, белорусы, поляки) [Усков, 2005, с. 90].

Как показало полевое исследование, именно потомки русских старожильческих семей Притомья называли себя и своих предков чалдонами. В отечественной этнологии существуют различные версии о происхождении самого этнонима «чалдон» и о том, кем были чалдоны по происхождению. По одной из первых версий, высказанных В.Д. Далем, слово «чалдон» было заимствовано из монгольского или бурятского языка и переводилось как «бродяга», а спустя какое-то время стало означать «старожил» [Бережнова, 2007, с. 14]. С конца 1990-х гг. в этнографической среде значение слова «чалдон» стали объяснять через народную этимологию (примеры которой будут приведены далее), а сами чалдоны стали считаться потомками первых сибирских поселенцев, пришедших сюда, предположительно, с территории Дона. В 1992 г. вышла в свет статья Е.Ф. Фурсовой «Новогодние праздники и обряды чалдонов Чаусской волости Томского округа (с. Середино, Кандаурово)», где в качестве объекта исследования выступили группы русского старожильческого населения Сибири под названием «чалдоны» [Фурсова, 1992]. Позднее культура чалдонов, как культура русского старожильческого населения Сибири, стала изучаться отечественными исследователями, такими как В.М. Кимеев [1997], Г.В. Любимова [2004], М.Л. Бережнова [2007], М.А. Жигунова [Жигунова, Фурсова, 2009], Р.Ю. Федоров [2020] и др. Альтернативную версию происхождения чалдонов и самого слова предложил Б.Е. Андриусев, который считал чалдонов выходцами из русского Севера, а под словом «чалдоны» понимал «люди неумный, бродячий, без привычки к насиженному месту» [Андриусев, 2006, с. 72]. Исследователями стали выделяться характерные черты культуры чалдонов. Согласно полевым данным Е.Ф. Фурсовой, сделавшей значительный вклад в изучение данной этнокультурной группы, маркерами, выделяющими чалдонов как группу, являются чистота русской речи, с некоторыми вкраплениями диалектизм («чавоканье», «кавоканье»), зажиточность по сравнению с более поздними российскими переселенцами, стремление к городской моде в одежде, особая любовь к

чаю, чистота дома, двора и одежды, слабая воцерковленность по сравнению с российскими переселенцами конца XIX – начала XX в. [Сибирь и сибиряки..., 2022, с. 63–68]. Е.Ф. Фурсова связывает распространенность этнонима «чалдон» на территории Сибири с народным мировоззрением, в котором Дон – территория обитания вольного казачества, которое осваивало Сибирь, что повлияло на распространение этого изначально гидронима в качестве самоназвания европейских первопоселенцев Сибири [Там же, с. 223]. Р.Ю. Федоровым, на основе полевых материалов, отмечались хозяйственные отличия чалдонов и переселенцев – первые считались хорошими охотниками и рыбаками, тогда как вторые славились хорошими земледельцами [Федоров, 2020, с. 109]. На основе обширного этнографического материала исследователь отмечает, что бытование этнонима «чалдон» было связано с появлением новых форм этнокультурной идентичности русского старожильского населения Сибири, которые возникли в результате контактов русских старожилов и переселенцев во второй половине XIX – начале XX в. [Там же, с. 104].

Собранные автором данной работы полевые материалы по старожилам Сибири – чалдонам – согласуются с материалами, собранными вышеуказанными исследователями. Версии, озвученные сельскими жителями Притомья относительно происхождения чалдонов, показали аналогичную вариативность, отмеченную в работах отечественных исследователей. Согласно одной из озвученных версий, чалдоны – чисто русские люди, коренные жители Сибири: *«Коренно население было чалдоны. Они были настоящие русские. Мне бабушки говорили, что мы чалдоны»*. Само название «чалдон» некоторые информанты связывали с рекой Дон: *«Почему чалдоны? Потому что наши русичи приплыли на челнах с Дона. Чалдоны называли»*. *«Чал и Дон – чалдон!»*. Отмечалась сельскими жителями Притомья взаимосвязь чалдонов с казаками и каторжными, приехавшими в Сибирь: *«Тут каторжные были. А большинство наших деревень тут из казаков, которые от царей уходили»*. В некоторых селах информанты отмечали, что их деревни основывали казаки, которые пришли в Сибирь вместе с Ермаком. Также была озвучена версия о том, что чалдоны – население, получившееся в ходе смешанных браков между русскими первопоселенцами и коренным населением Сибири. В некоторых случаях этноним «чалдон» использовался местным населением в качестве дразнилки, что показывает угасание «чалдонской» идентичности во второй половине XX в. и переход ее в разряд подшучиваний: *«Мы мальцевские, мы чалдоны!... Я помню, нас в детстве так обзывали – “Вон, чалдонки пошли!” – дразнили так... Это чалдонами нас называли, а их (жителей соседней д. Томилово) жебреями колючими»*. Постепенный отказ от локальных форм этнокультурной идентичности подтверждает тот факт, что значительная часть

современного сельского населения Притомья в ходе интервью уже не знали, кто такие чалдоны и лишь помнили, что такое слово использовало между собой старшее поколение жителей их деревни.

Те информанты, которые до сих пор сохраняют историческую память о чалдонах, в ходе интервью выделяли некоторые особенности культуры русских старожилов Притомья. Но зачастую об отличиях чалдонов от других представителей этнокультурных групп Притомья говорили не потомки чалдонов, а потомки более поздних российских переселенцев, чьи предки заселяли районы Притомья по столыпинской реформе. Так, в их рассказах главной чертой чалдонов была зажиточность, которая проявлялась в чистоплотности сибирских старожилов и добротной одежде. Потомки российских переселенцев вспоминали, что местные чалдонки в 1950–1960-е гг. носили пуховые шали, а «хахлушки» надевали пестрые платки, за что получали насмешки со стороны чалдонок. Потомки белорусских переселенцев также отмечали богатство и чистоту дворов чалдонов: *«Чалдоны шибко чистые, а хахлы шибко грязные... У чалдонки были шали пуховые, на собраниях даже председателя не было видно из-за этих шалей»*. Из-за чистоты домов белорусы д. Ленинка Юргинского р-на Кемеровской обл. называли чалдонов соседней д. Томилово «чистоплясами». Сохранились стереотипные представления о чалдонах, как о людях с тяжелым и «прижимистым» характером. В д. Талая Юргинского р-на, где информант про чалдонов слышала лишь в детстве, старые люди говорили: *«Вот он чалдон, к нему не ходите. Вроде как ничего не даст»*. Потомки российских переселенцев, рассказывая о чалдонах, вспоминали о них не только как о «коренных сибиряках», но и как о жестоких людях: *«У них жестокость была к приезжим»*. Такие стереотипные представления о чалдонах, вероятнее всего, связаны с существовавшими ранее конфликтами между русскими старожилами и новопоселенцами из-за земельных участков [Федоров, 2020, с. 108].

Еще одна культурная особенность, маркирующая чалдонов, проявляла себя в особенностях питания. Особая любовь отмечалась у чалдонов к чаю. Галина Николаевна Рудьман, уроженка белорусской д. Милутино, вспоминала, что чалдонка Морозова, вышедшая замуж за милутинского «хахла», до самой старости пила чай: *«Они (чалдоны) любят. У нас Морозова до сих пор чаи любит»*. Белорусские же бабушки такой любви к чаю не питали: *«У нас (в Милутино) чаи мало пили. Старые бабушки молоко пили»*. Особую любовь к чаю у русских старожилов Притомья подтверждали сами потомки чалдонов: *«Вместо воды всегда пили чай»*. Чай пили из самовара, заваривали иван-чай, зверобой, душицу, смородину, сушеную морковь. Пили чай вприкуску с кусковым сахаром. Но особым угощением к чаю у чалдонов была квашеная капуста с хлебом:

«Так и называли “чалдоны” нас. Приходите, чай с капустой будем [пить]. Это угощение считалось». Такое сочетание, как показало полевое исследование, всегда бросалось в глаза более поздним переселенцам: «Вот придешь к ним (чалдонам), у них стоит самовар и чашка с квашеной капустой. Они за стол не садились без квашеной капусты». Выделяли потомки чалдонов мастерство своих бабушек-чалдонок в выпечке: «Наши (чалдоны) стряпали лучше». Стряпали чалдонки пироги – курники, большие открытые и закрытые пироги с ягодами, с рыбой, хворост, который «таял во рту», пустышки, розанцы, «вахли», пирожки. Также встречались единичные упоминания о различиях в способах заготовки мяса у чалдонов и переселенцев. Если, например, некоторые белорусские переселенцы предпочитали на лето мясо засаливать, то чалдоны летом хранили мясо в специальных ледниках [Рублева, 2024, с. 260].

Еще одной чертой, выделявшей, по мнению потомков, чалдонов, их предков от приезжих переселенцев, была чистота русской речи: *«Мы хоть неправильно, но по-русски говорим. А они по-хахлатски говорят».* Жительницы старинных чалдонских деревень отмечали, что чалдоны «чекали» или «чакали», тогда как переселенцы «шокали».

Если на уровне быта потомки чалдонов в ходе интервью отмечали яркие черты своей культуры, то на уровне семейных и календарных праздников такие яркие различия не фиксировались. Во второй половине XX в. сельское население Притомья, наряду с советскими праздниками, такими как 7 ноября, День молодежи, 1 мая, 9 мая, продолжало праздновать традиционные праздники народного календаря. Как потомки чалдонов, так и потомки переселенцев праздновали Рождество, Новый год, Крещение, Масленицу, Сороки, Пасху, Радуницу, Троицу и др., не фиксируя особых этнокультурных различий между традициями празднования того или иного праздника. Размытие этнокультурных границ в праздничной культуре является вполне закономерным, т.к. во второй половине XX в. в Притомье практически не осталось деревень с компактным проживанием одной этнокультурной группы. Долговременное соседство в пределах одной деревни, а также регулярные культурные контакты между представителями разных этнокультурных групп региона привели к тому, что в большинстве случаев все праздники стали отмечаться по усредненному праздничному сценарию. Несмотря на это, во второй половине XX в. календарные праздники сохраняли некоторые этнокультурные особенности. В деревнях Алаево, Варюхино, Зеледеево, Мануйлово Юргинского р-на Кемеровской обл., где чалдоны и переселенцы жили в разных «концах» деревни, сибирские старожилы сохраняли традицию масленичных мужских состязаний в борьбе. Информанты вспоминали, что чалдоны между собой «на Масленку бороться любили», а биться стенка на стенку ходили

только с представителями другого «конца» деревни. Некоторые особенности отмечали информанты в контексте семейной обрядности. Белорусы д. Ленинка первый день свадебного гуляния праздновали в доме невесты, тогда как чалдоны из соседней деревни забирали невесту в дом жениха сразу после выкупа. Но в большинстве случаев семейная и календарная обрядность для информантов не являлась маркером, отличающим чалдонов от остального сельского населения Притомья.

Главные различия во второй половине XX в. сохранились в самоназваниях этнокультурных групп, которые продолжали бытовать в этот период. Выросшие в среде, где на бытовом уровне среди старшего поколения деление на чалдонов, «хахлов», кержаков и др. было актуальным, сельские жители 1920–1950-х гг. рождения в детстве все еще были включены в систему такого разделения. По рассказам коренной жительницы д. Лебяжье-Асаново, 1924 г.р., деревня делилась на две стороны – «чалдонскую» и «хахлатскую». Парни-чалдоны запрещали девушкам со своего «конца» дружить с парнями-«хахлами», угрожая последним физической расправой. Схожая ситуация была описана жительницей с. Зеледеево Юргинского р-на. Еще в 1950-е гг. сибиряки с одного края с. Зеледеево дрались с «хахлатским» краем другой стороны деревни. Но как отмечали информанты более поздних годов рождения, в их молодости таких стычек уже не происходило, при этом подраживания по этнокультурному признаку сохранялись.

Относительно идентичности современных сельских жителей, являющихся потомками чалдонов, наблюдаются различные сценарии самоидентификации. «Коренная» чалдонка из д. Лебяжье-Асаново, чье детство пришлось на 1930-е гг., до сих пор считает себя таковой, тогда как другие потомки чалдонов, более поздних годов рождения, к русским старожилам Сибири – чалдонам – себя не относят, т.к. в их понимании разделение на чалдонов, хахлов, кержаков и т.д. потеряло актуальность из-за общности быта и смешанности населения: *«В наше время уже не было разницы – чалдоны, хахлы. Они (белорусские переселенцы) стали уже как свои...». «Не, а куды? Это все ушло... Мы-то уже не звались так».* Особый интерес в вопросе идентичности представляют дети от смешанных браков (чалдонов и переселенцев Сибири). Как показало полевое исследование, выбор определенной этнокультурной группы информантами определяется различными факторами. Так, информантка, рожденная и выросшая в Сибири, чья мать была чалдонкой, а отец – потомком пензенских переселенцев, в ходе интервью назвала себя «пензячкой» и «хахлушкой»: *«Раз я не тутюшная, раз предки мои оттуда, значит я пензячка»*, объясняя собственную идентичность следующим образом: *«Мои родственники по папке все хорошие, а по маме не очень роднимся».* Другой информант, со схожей родословной,

где отец принадлежал к группе старожилов-чалдонов, а мать – к белорусским переселенцам начала XX в., определял себя чалдоном, т.к. «характером пошел» в деда-чалдона, что отмечалось односельчанами. Данные сюжеты показывают, что на выбор идентичности мог влиять фактор эмоциональной близости и личной симпатии относительно родни информанта, чья идентичность для него становилась доминирующей. Для большинства же сельских жителей, потомков сибирских старожилов – чалдонов, с кем были проведены интервью, более актуальными сейчас являются иные формы идентичности – национальная или региональная: «*Мы просто считаем себя русскими*», «*Мы из Кузбасса, мы сибиряки*». Тогда как «чалдонская» идентичность воспринимается как явление ушедшей культуры старшего поколения. Но при этом, на уровне локального общения (внутри деревни или сельского поселения), сельские жители Притомья иногда актуализируют локальные формы этнокультурной идентичности, такие как чалдон, «хахол» и кержак.

Итак, как показало полевое исследование, культура русских старожилов Притомья – чалдонов второй половины XX в. – имеет черты, характерные для культуры русских старожилов Сибири, выделяемые отечественными исследователями. Как на территории Сибири, так и в районе Притомья, устойчивым в исторической памяти сельского населения 1920–1950-х годов рождения, оказался миф о происхождении чалдонов. Чалдоны описываются информантами как «чисто русские» люди, чье происхождение берет начало у реки Дон (рек Чал и Дон). Потомки русского старожильского населения Притомья в своих рассказах подчеркивали взаимосвязь чалдонов с казаками и ссыльными каторжанами, что также является универсальным сюжетом для других территорий расселения русских старожилов Сибири. В некоторых случаях бытование этнонима «чалдон» в Притомье сохранилось лишь в контексте подшучивания между жителями соседних деревень, что показало потерю актуальности локальной этнокультурной идентичности для населения изучаемого региона. Несмотря на это, современное сельское население Притомья воспроизводит особенности культуры чалдонов, наделяя их такими качествами как зажиточность, чистоплотность, особая любовь к чаю с квашеной капустой и с разнообразной выпечкой. Непосредственно потомки чалдонов воспринимают своих предков как коренное население Сибири, «чисто русских» людей, говоривших «правильно» в сравнении с недавно приехавшими «хахлами». В детском возрасте заставшие разделение сельского населения Притомья на чалдонов, «хахлов», кержаков и др., современные потомки русских старожилов Сибири уже не считают себя чалдонами, актуализируя для себя иные формы идентичности, такие как русские, сибиряки, жители Кузбасса и т.д. При этом на уровне внутригруппового

общения демонстрируют локальную этнокультурную идентичность, выбор которой строится на основе эмоциональной связи с «чалдонской» культурой как с культурой старшего поколения.

Список литературы

Андрюсов Б.Е. Сибирское краеведение. Хозяйство, быт, традиции, культура старожилов Енисейской губернии XIX – начала XX в.: учеб. пособ. для учащихся и студентов. 3-е изд., испр. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2006. – 72 с.

Бережнова М.Л. Загадка чалдонов: История формирования и особенности культуры старожильского населения Сибири. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2007. – 266 с.

Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1980. – 251 с.

Жигунова М.А., Фурсова Е.Ф. Сибиряки // Историческая энциклопедия Сибири. В 3 т. – Новосибирск: ИД Историческое наследие Сибири, 2009. – Т. III. С–Я. – С. 101–102.

Кимеев В.М. Касьминские чалдоны. Быт и культура русских старожилов Касьминской волости. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 248 с.

Любимова Г.В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири XIX – начала XX века. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 239 с.

Малыгина И.В. Этнокультурная идентичность: Онтология, морфология, динамика: автореф. дис. ... д-ра философ. наук. – М., 2005. – 41 с.

Рублева А.А. Традиционная кухня старожилов и переселенцев Притомья во второй половине XX в.: этнокультурная специфика и взаимовлияние (по материалам полевого исследования) // Вестн. антропологии. – 2024. – № 1. – С. 255–266.

Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточно-славянских народов в Сибири (XIX – начало XXI века) / отв. ред. Е.Ф. Фурсова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – 284 с.

Усков И.Ю. Формирование крестьянского населения Среднего Притомья в XVII – первой половине XIX в. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 130 с.

Федоров Р.Ю. Чалдоны и самоходы: мифы идентичности и этнографическая реальность // ЭО. – 2020. – С. 102–115.

Фурсова Е.Ф. Новогодние праздники и обряды чалдонов Чаусской волости Томского округа (села Середино, Кандаурово) // Населенные пункты Сибири: опыт исторического развития. – 1992. – С. 102–119.

References

Andryusev B.E. Sibirskoe kraevedenie. Khozyaistvo, byt, traditsii, kul'tura starozhilov Eniseiskoi gubernii XIX – nachala XX vv.: uchebnoe posobie dlya uchashchikhsya i studentov.

Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University Press, 2006. 72 p. (In Russ.).

Berezhnova M.L. Zagadka cheldonov: Istoriya formirovaniya i osobennosti kul'tury starozhil'cheskogo naseleniya Sibiri. Omsk: Omsk State University Press, 2007. 266 p. (In Russ.).

Emelyanov N.F. Naselenie Srednego Priob'ya v feodal'nyu epokhu. Tomsk: Tomsk State University Press, 1980. 251 p. (In Russ.).

Fedorov R.Y. Chaldony i samokhody: mify identichnosti i etnograficheskaya real'nost'. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020. P. 102–115. (In Russ.). doi: 10.31857/S086954150010836-9

Fursova E.F. Novogodnie prazdniki i obryady chaldonov Chaussoi volosti Tomskogo okruga (sela Seredino, Kandaurovo). In *Naselennye punkty Sibiri: opyt istoricheskogo razvitiya*, 1992. P. 102–119. (In Russ.).

Fursova E.F. Sibir' i sibiryaki: etnokul'turnaya identichnost' russkogo i drugih vostochno-slavyanskikh narodov v Sibiri (XIX – nachalo KhKhI veka). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. 284 p. (In Russ.). doi: 10.17746/7803-0326-8.2022

Kimeev V.M. Kas'minskie chaldony. Byt i kul'tura russkikh starozhilov Kas'minskoj volosti. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997. 248 p. (In Russ.).

Lyubimova G.V. Vozrastnoi simvolizm v kul'ture kalendarnogo prazdnika russkogo naseleniya Sibiri XIX – nachalo XX veka. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004. 239 p. (In Russ.).

Malygina I.V. Etnokul'turnaya identichnost': Ontologiya, morfologiya, dinamika: doc. sc. (philosophy) dissertation abstract. Moscow, 2005. 41 p. (In Russ.).

Rubleva A.A. Traditsionnaya kukhnya starozhilov i peregul'turnaya kul'tura v Srednem Priob'ye vo vtoroi polovine XX v.: etnokul'turnaya spetsifika i vzaimovliyanie (po materialam polevogo issledovaniya). *Vestnik antropologii*, 2024. No. 1. P. 255–266. (In Russ.). doi: 10.33876/2311-0546/2024-1/255-266

Uskov I.Y. Formirovanie krest'yanskogo naseleniya Srednego Pritom'ya v XVII – pervoi polovine XIX v. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2005. 130 p. (In Russ.).

Zhigunova M.A., Fursova E.F. Sibiryaki. In *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk: Izdatel'skii Dom Istoricheskoe nasledie Sibiri, 2009. Vol. 3. P. 101–102. (In Russ.).

Рублева А.А. <https://orcid.org/0000-0003-4967-6311>

Дата сдачи рукописи: 27.09.2024 г.